

Цзян Хуай держался от Бо Цзяня почти в метре. Сделал ещё один шаг и вышел вперёд.

— Я... Поцарапался. Пришёл за лекарством.

— Где поцарапался?

— Колено.

— Вон стул, садись и закатывай штанину.

Он закатал штанину. Женщина-врач втянула воздух:

— Ох ты ж, как это ты так умудрился? Во что это тебя так угораздило?

Хорошо ещё, что на парне тёмные брюки, — иначе они насквозь пропитались бы кровью. Рана поверхностная, но вид у неё жутковатый: кровь уже наполовину запеклась, а по следам видно, что раньше стекала вниз ручьём.

Цзян Хуай промолчал. Женщина-врач сходила к шкафу, принесла йод и ватные палочки:

— Так сильно разодрал. Сначала продезинфицирую, потом намажу и перевяжу.

Она снова спросила:

— Ещё где-нибудь пострадал?

Цзян Хуай:

— Нет.

Бо Цзянь:

— Спина.

Цзян Хуай поднял взгляд на Бо Цзяня. Бо Цзянь смотрел сверху вниз, бесстрастно:

— Приподними одежду сзади, осмотрим.

Женщина-врач подошла:

— Спина тоже? Дай посмотрю.

Она приподняла заднюю полу свитера. Цзян Хуай не сводил глаз с Бо Цзяня.

Бо Цзянь опустил глаза:

— У меня что-то на лице?

Цзян Хуай скривил губы:

— Нет.

Женщина-врач спросила:

— Давно?

— ...

— Я спрашиваю: синяк на спине давно? В обед, что ли, приложился?

— Угу.

Женщина-врач вздохнула... Это не похоже на ушиб. Скорее уж его электроскутер переехал. Куда надо врезаться, чтобы сразу пострадали и спина, и колени?

— Снимай верх, сделаем холодный компресс, потом разотру маслом.

Цзян Хуай обернулся:

— ...

Женщина-врач:

— Что?

Цзян Хуай снова отвернулся, не говоря ни слова.

Женщина-врач догадалась:

— Стесняешься, что ли? В медпункте есть внутренняя комната. Закроешься — и никто не войдёт. Но спину-то сам себе не обработаешь, без посторонней помощи не обойтись.

— Учитель, я помогу ему. Так будет удобнее.

Юношеский голос — ясный и мягкий, с той благородной интонацией, которую даёт хорошее воспитание.

Цзян Хуай снова вскинул голову, посмотрел на Бо Цзяня:

— Удобнее ему.

Бо Цзянь посмотрел на него сверху вниз:

— Мне очень удобно.

— Вали.

— Ты сидишь за моей спиной, я не могу забить на тебя.

— ...Пошёл на хрен.

Цзян Хуай попытался встать — и не успел, как женщина-врач повысила голос:

— Сидеть! Я йодом колено мажу!

Цзян Хуай опустил обратно на табуретку. Женщина-врач нахмурилась:

— Человек тебе добра хочет. У председателя студенческого совета и без того дел по горло. Следил бы ты за манерами, молодой человек.

Цзян Хуай:

— ...

«Щёлк».

Дверь внутренней комнаты медпункта заперта изнутри.

Цзян Хуай стоял посреди комнаты с непроницаемым лицом.

Бо Цзянь посмотрел на него:

— Раздевайся.

— ...

Цзян Хуай хотел было отвернуться... Хотя у парня спереди и так смотреть не на что. Просто не хотелось видеть лицо Бо Цзяня. Но именно потому, что у парня смотреть не на что, отвернуться — значит начать выделяться.

Сильный человек будет, что ли, прятаться, раздеваясь?

Он же не Бо Цзянь.

Пальцы тронули нижний край свитера. Цзян Хуай, не поднимая глаз, стянул свитер через голову.

Он едва заметно вздрогнул — по рукам побежали мурашки.

Цзян Хуай чувствовал: взгляд Бо Цзяня коротко скользнул по нему.

Вообще-то Бо Цзянь уже видел его.

Просто не вот так, лицом к лицу. В прошлый раз Цзян Хуай случайно включил видеозвонок в душе и выключил через минуту с лишним.

Бо Цзянь потупился, подчёркнуто сдержанный, кадык едва заметно дёрнулся:

— Ложись на кровать. — Он произнёс это без паузы. — Я положу пакет со льдом.

— Угу.

И Цзян Хуай — как ни странно — тоже с готовностью затих.

Кровать была узкая. Односпальная.

Бо Цзянь смотрел, как Цзян Хуай, упёршись другим коленом в край кровати, спиной к нему, медленно опускается вниз. Талия у него тоже узкая, и в наклоне, со спины, это особенно видно. Прошло не так много времени — меньше двух часов, синяк ещё не проступил до конца: лишь точечные пятна гематом да на бледной коже широкие разводы красноты.

Цзян Хуай задвинул мешавшую подушку под подбородок и подогнул локти. Пальцы стиснули край подушки, побелев от напряжения.

Когда Бо Цзянь положил первый пакет со льдом, Цзян Хуай дёрнулся от холода и невольно выдохнул:

— Бля, ты не...

Он проглотил остаток фразы.

Бо Цзянь замер на мгновение, потом начал двигаться ещё бережнее, и голос его стал тише:

— Потерпи. Немного — привыкнешь, и отпустит.

Даже когда они говорили, в комнате было слишком тихо. Или... это внутри всё мается, и оттого тишина вокруг кажется не по нутру.

Взгляд Бо Цзяня остановился на чётком следе укуса сзади на шее Цзян Хуая.

Прикосновения Бо Цзяня — их не видно, и потому восприятие многократно обостряется, отдаётся в Цзян Хуае.

Бо Цзянь кладёт пакет со льдом. Пальцы Бо Цзяня, запястья Бо Цзяня, рукав Бо Цзяня, голос Бо Цзяня... голос, когда он говорит, дыхание, когда он приближается. И касания — беззвучные, но вдруг невыносимо громкие.

Пакет со льдом был холодным, но Цзян Хуаю казалось, что он горит.

Он вцепился в подушку.

— Болит? — спросил Бо Цзянь.

— Бесит.

— Что бесит?

Цзян Хуай ответил холодно:

— Тебя.

Бо Цзянь усмехнулся:

— Сильные тоже бесятся?

Цзян Хуай обернулся, на лице ни тени выражения:

— Можешь оставить больного в покое?

Бо Цзянь изогнул уголок рта:

— Хорошо.

Резкий запах лечебного масла разлился по комнате. Использованный пакет со льдом аккуратно отложен.

Бо Цзянь неспешно спросил:

— Ты так и будешь лежать или сядешь?

Цзян Хуай вяло лежал на кровати:

— Пусть так.

Руки у Бо Цзяня красивые. Это не только потому, что он вырос в достатке: от запястья до костяшек рука — тонкая, длинная, невероятно соразмерная. Бо Цзянь чистоплотен, и руки у него всегда чистые.

Цзян Хуай думал: «Да я, похоже, спятил», — и в то же время мысленно вырисовывал руки Бо Цзяня.

Руки-то, блин, к феромоновым железам вообще никакого отношения не имеют.

Бо Цзянь надавил пальцами на поясницу Цзян Хуая:

— Болит?

Цзян Хуай не издал ни звука.

Большой палец Бо Цзяня словно невзначай пополз вниз по линии тонкого позвоночника, сантиметр за сантиметром:

— Если болит — говори.

Парень лежит на животе, поясница естественно прогибается. Вверх — спина. Вниз — ...

Бо Цзянь замер, снова отлил масла.

Он чувствовал: Цзян Хуай весь натянут, как струна. Почти как при первой встрече: весь сжался, будто в следующую секунду оттолкнёт его от себя.

Но Бо Цзянь не знал, что сейчас Цзян Хуай думал не о том, как его оттолкнуть, а о том, как удержать себя, чтобы не наброситься на Бо Цзяня.

Цзян Хуай всегда действовал быстро, искал острых ощущений и был совершенно безрассуден... потому такой порыв было особенно трудно сдержать.

Он думал: то ли у него самого не всё в порядке с головой, то ли — сдохну, но сдержусь, то ли — а почему, собственно, он должен сдерживаться?

Бо Цзянь распластал ладонь и легонько провёл по спине Цзян Хуая.

Цзян Хуай глухо охнул.

Бо Цзянь замер:

— Болит?

Но Цзян Хуай снова не проронил ни слова.

Бо Цзянь закрутил бутылёк с маслом и пошёл к раковине мыть руки. А Цзян Хуай натянул свитер обратно и так и остался сидеть на кровати, не двигаясь.

Бо Цзянь услышал его голос:

— Бо Цзянь, ты раньше кого-нибудь метил?

Бо Цзянь закрыл кран, вытер пальцы досуха и, обернувшись, посмотрел на затылок Цзян Хуая:

— Нет. — Он уже говорил это раньше.

Цзян Хуай не обернулся:

— А у тебя есть знакомые, которые кому-то ставили временную метку?

— Не в курсе. — Он тихо усмехнулся. — Даже если такие есть, что их обсуждать? Опытом, что ли, делиться?

Он подошёл к кровати, спросил с намёком:

— После вчерашнего до сих пор не по себе?

Цзян Хуай наконец поднял голову и посмотрел на Бо Цзяня:

— Временная метка, пока она существует, заставляет Альфу и Омегу испытывать друг к другу определённое притяжение, верно?

Бо Цзянь опустил ресницы:

— Угу.

Это «определённое» — у каждого своё.

Цзян Хуай долго молчал.

Он смотрел на Бо Цзяня, потом разомкнул губы:

— Бо Цзянь, я тебя сейчас притягиваю?

Кадык Бо Цзяня дёрнулся. Ладони сжались. Он не ответил сразу.

Задавая этот вопрос, Цзян Хуай уже понимал, что сошёл с ума.

Когда период метки закончится, это станет его психологической травмой. Травмой на все три года старшей школы. Возможно, травмой Бо Цзяня тоже. Урон врагу — восемьсот, себе — тысяча. Обоюдное уничтожение.

Это, наверное, и есть тот самый «Один пояс — один путь» председателя Бо: общее процветание.

Бо Цзянь вдруг почувствовал, как Цзян Хуай хватает его за руку.

Цзян Хуай долго смотрел на неё. Бо Цзянь не отдёрнул руку, позволил ему держать. Только спросил:

— Что...